

Эпоха и личность Петра I в исследованиях Николая Валерьевича Чарыкова

О.А. Чернов

Самарский государственный социально-педагогический университет

В статье рассматриваются исторические исследования Н.В. Чарыкова, которые содержат анализ предпосылок, характера и последствий петровских реформ. В своих исследованиях Н.В. Чарыков доказывал, что реформы Петра I не представляли собой радикального разрыва с прошлыми периодами развития России; усвоение научных знаний и практических навыков, необходимых для модернизации, началось задолго до Петра Великого. В допетровское время в России использовались достижения европейской мысли, успешно развивалась и наука. Россия была частью единой европейской системы ещё до Петра I, о чём свидетельствуют такие факты, как женитьба Ивана III на Софье Палеолог; привлечение Иваном IV пленных ливонцев на российскую службу; отправка русской молодёжи на обучение в западноевропейские университеты. У Бориса Годунова был замысел по формированию европейской лиги христианских государей. Наиболее подробно Н.В. Чарыков анализировал период правления царя Алексея Михайловича, в частности, планы последнего по широкому привлечению представителей Западной Европы в разные сферы жизни России.

Н.В. Чарыков подчёркивал, что и будущий император Пётр Великий сформировался как личность под влиянием модернизационных процессов и интеграционного взаимодействия России с другими европейскими странами. Чарыков пришёл к выводу, что развитие России в допетровский период объективно вело к реформам. Противостояние Софьи и Петра он оценивал как межличностную борьбу за власть, которая не нарушала главной тенденции развития России. Петровские реформы стали логичным и естественным следствием ранее начатых процессов. Заслуга императора состояла в том, что он успешно продолжил ранее начатые преобразования, наложив на их осуществление особенности своего склада характера и мышления, что привело к рождению Российской империи.

Ключевые слова: Пётр Великий, Н.В. Чарыков, предпосылки петровских реформ, Алексей Михайлович, Павел Менезий, Иван Грозный, Григорий Микиулин

УДК: 94, 353

Поступила в редакцию: 30.05.2021

Принята к публикации: 10.09.2022

Николай Валерьевич Чарыков – видный дипломат, принявший непосредственное участие в разработке и реализации внешнеполитического курса Российской империи (Чернов 2010). Предваряя рассмотрение специального вопроса, которому посвящена тема данной статьи, охарактеризуем деятельность Н.В. Чарыкова в целом.

Наибольшую известность Николай Валерьевич приобрёл в связи с провалом проекта 1911 г. по открытию проливов Босфор и Дарданеллы для российских военных кораблей на исключительных правах. Данный эпизод, вошедший в историю дипломатии как «демарш Чарыкова», был частью стратегического замысла по решению Восточного вопроса, над которым работал Николай Валерьевич Чарыков. Чарыков – участник международных процессов, которые принято называть «Большой игрой». Помимо дипломатической деятельности, Н.В. Чарыков был участником русско-турецкой войны 1875–1878 гг., где был ранен, награждён орденом и произведён в гвардейские офицеры (Чернов 2010; Чернов 2012).

Н.В. Чарыков заложил основы управления Бухарским эмиратом, интеграции и модернизации его и других территорий Центральной Азии в состав Российской империи. На Балканах он вёл линию на усиление политического, культурного и экономического влияния России в Сербии и Болгарии, укрепление их суверенитета и защиту как от Османской империи, так и от экспансии Австро-Венгрии. Для решения этих задач он предложил в 1911 г. проект Всебалканской конфедерации, в которую должна была быть включена и Турция. Россия, по этому замыслу, становилась гарантом прав субъектов конфедерации. Турция гарантировалось сохранение статус-кво в обмен на передачу России исключительных прав на контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. Статус-кво на Балканах предлагался на условиях, что Турцию берёт под опеку Российская империя, чтобы получить эффективный инструмент контроля над регионом в целом.

Эта часть замыслов Н.В. Чарыкова была увязана с формированием системы международной безопасности, которая включала бы проведение Гаагских конференций мира и создание механизма, обеспечивающего баланс военно-политических блоков. Российский дипломат был активным участником мероприятий, направленных на формирование такой системы международных отношений, которая бы позволила решать спорные вопросы не военным путём, а через международный арбитраж. Лично ему принадлежит заслуга по разработке норм международного морского права.

Н.В. Чарыков принял деятельное участие в реформировании Министерства иностранных дел Российской империи путём повышения эффективности структуры центральных учреждений. Он был сенатором и одновременно состоял при МИД, в 1918 г. возглавлял внешнеполитическое ведомство Крыма. Будучи в эмиграции, в Турции он активно публиковался и написал мемуары. Кроме заметной дипломатической деятельности, он занимался историческими исследованиями и создавал сочинения иных жанров. Чарыкову принадлежит

авторство наиболее подробного исследования о Павле Менезии – деятеле допетровского и раннего петровского времени. Исследование творческого наследия российского дипломата и историка позволяет получить представление о его взглядах на предпосылки, характер и последствия реформ Петра Великого, персону императора и его окружение.

Заслуги Н.В. Чарыкова как историка были признаны на самом высоком уровне. Он был избран действительным членом Императорского Русского исторического общества и ряда других научных обществ. «Отчёт о 49-м присуждении наград гр. Уварова» свидетельствует: «На соискание наград графа Уварова в 1906 г. было представлено 15 авторами 18 сочинение, и в которых два были сняты автором с конкурса. Для рассмотрения этих трудов и оценки их была избрана Комиссия, под председательством Непременного Секретаря, из академиков А.А. Шахматова, Н.И. Кондакова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Ламанского, А.И. Соболевского, Е.Е. Голубинского и адъюнкта М.А. Дьяконова»¹. Каждый труд, поданный на конкурс, получил детальную рецензию. «Ознакомившись с представленными на конкурс работами и с рецензиями на них», Комиссия присудила две Большие и две Малые премии, одна из которых – Н.В. Чарыкову за его труд «Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694)». Об этом факте упоминает в своих мемуарах дипломат Г.Н. Михайловский, племянник Н.В. Чарыкова (Михайловский 1993: 209).

Историографический обзор

Развёрнутый анализ исследования Н.В. Чарыкова о Павле Менезии принадлежит профессору Е.Ф. Шмурло, отметившему своевременность появления работы Н.В. Чарыкова: «В истории Московской Руси XVII века видное место должно быть отведено сближению её с Западной Европой. Сближение это проявлялось в более интенсивных, чем прежде, сношениях московского правительства с западноевропейскими, в более широких заимствованиях культурных, в многочисленных и постоянных "выездах иностранцев", поступавших на русскую службу и переносивших на русскую почву свои понятия, свои сведения и своё мировоззрение ... Служба в России Павла Менезия вполне заслуживает того внимания, какое уделит ей автор. Но Менезий не только один из тех выходцев, которые сотнями насчитывались в Московской Руси XVII столетия; если не в русской истории, то в русской историографии он занимает ещё особое видное место: с именем Менезия связано представление о воспитателе будущего Петра

¹ С. Ф. Ольденбург. Отчёт о сорок девятом присуждении наград графа Уварова, читанный в публичном заседании Императорской академии наук 25 сентября 1907 года непременным секретарём академиком С.Ф. Ольденбургом. 1907. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1907. С. 1.

Великого, о руководителе детских игр царевича в самый ранний, младенческий его возраст. Вопрос, действительно ли был Менезий таковым воспитателем и руководителем, остаётся и доныне спорным... книга г. Чарыкова, уделившая этому вопросу видное ... место, тем более имеет право на внимание»². К своей рецензии Е.Ф. Шмурло добавил ряд архивных документов, касающихся Павла Менезия и представляющих значительный научный интерес.

Актуальность научных исследований и деятельность Н.В. Чарыкова в целом отмечается и в работах современных отечественных исследователей. Освещение получили дипломатическая служба Чарыкова на Балканах (Вишняков 2021; Кузьмичёва 2021), а также сюжеты сочинений Чарыкова, связанные с допетровской и петровской эпохой (Fedosov 2000; Ласкова 2008; Седов 2008; Ястребов 2016; Петрухинцев 2017; Флоря 2019; Мезин 2020; Черникова 2021). Зарубежные исследователи также изучали отдельные аспекты проблем, к которым обращался Чарыков (Krasic 1986; Oresko 1997; Bushkovitch 2001; Jensen 2009). Однако детального и систематического изучения научные изыскания Н.В. Чарыкова ни в отечественной, ни в зарубежной историографии не получили.

Вопрос о характере петровских реформ носит дискуссионный характер. Одни авторы усматривали в них полный и принципиальный разрыв с предыдущим периодом развития России, другие, напротив, полагали, что преобразования первой четверти XVIII в. стали следствием планомерной подготовительной работы более раннего времени. Н.В. Чарыков обосновывал актуальность своих исследований именно дискуссией славянофилов и западников.

До Н.В. Чарыкова темой петровских реформ занимались выдающиеся российские историки С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и Н.И. Костомаров.

С.М. Соловьёв отмечал, что процессы, которые происходили в допетровскую эпоху, подготовили реформы: «для уяснения значения Петра В. мы должны обратиться к предшествовавшей ему истории русского народа, допроситься у неё, что это был за переворот, с которым мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошёл этот переворот, для чего понадобился» (Соловьёв 1872: 5). В.О. Ключевский писал: «Как только Пётр стал помнить себя, он был окружён в своей детской иноземными вещами; всё, во что он играл, напоминало ему немца. Некоторые из этих заморских игрушек особенно обращают на себя наше внимание: двухлетнего Петра забавляли музыкальными ящиками, «цимбальцами» и «большими цимбалами» немецкой работы; в его комнате стоял даже какой-то «клевикорд» с медными зелёными струнами. Всё это живо напоминает нам придворное общество царя Алексея, столь падкое на иноземные художественные вещи. С летами детская Петра наполняется предметами военного дела» (Ключевский 1990: 151).

² Отчёт о сорок девятом присуждении наград графа Уварова. С. 11.

Н.В. Чарыков также полагал, что предшественниками Петра Великого была проделана большая работа по модернизации России, и деятельность самого Петра представляет собой следствие ранее начатых процессов. Более того, Пётр был воспитан под влиянием преобразований, начатых задолго до его появления на свет. Н.В. Чарыков детально исследовал влияние Павла Менезия на становление взглядов и интересов Петра в детский период.

Обращал внимание на фигуру Павла Менезия и Н.И. Костомаров. В отличие от Чарыкова, Костомаров оценивал персону Менезия не столь положительно: «Царевича, по обычаю, окружили так называемыми "робятками" из ровесников, набранных из детей знатных родов; они составляли около него полк. Пётр, будучи трёх лет от роду, играл с ними в «воинское дело», а обучением и дисциплиной этого детского полка, по царскому поручению, назначен был иноземец Павел Гаврилович Менезиус. Родом он был шотландец, искатель приключений; в молодости шатался он по Европе, убил в Польше на дуэли мужа одной пани, с которой был в связи, был взят в плен русскими, обласкан царём Алексеем Михайловичем и женился на вдове известного Марселиса, основателя железных заводов в России. Царь Алексей Михайлович любил Менезиуса, человека ловкого, бывалого, говорившего на многих языках, и посылал его по важным дипломатическим сношениям послом к папе. Менезиус получил своё место при царевиче по возвращении из Рима. Мы не знаем подробностей обращения Менезиуса с царевичем, но ему принадлежит зародыш той горячей любви к иноземщине, которая начала проявляться у восприимчивого Петра ещё с детских лет. По смерти Алексея Михайловича, со ссылкой Матвеева, Менезиус был отдалён от Петра и послан в Смоленск» (Костомаров 2009: 618-619).

В отличие от Костомарова и Чарыкова, Соловьёв и Ключевский особо персону Павла Менезия не выделяли.

У Чарыкова были расхождения также с М.П. Погодиным. Последний указывал на отсутствие прямых доказательств участия Менезия в воспитании царевича, на что Н.В. Чарыков возражал, что документы по данному вопросу слабо изучены, и увязывал решение данного вопроса с детальным изучением истории Немецкой слободы.

Подводя итог обзору наиболее важнейших исторических исследований предшественников и современников Н.В. Чарыкова, подчеркнём, что его наблюдения, оценки и выводы в некоторой степени сходны с результатами анализа других историков, при этом Чарыков обращал внимание на малоисследованные вопросы и давал оригинальную трактовку событиям.

Будучи по основному роду занятий дипломатом, Н.В. Чарыков, предупреждая скептическое отношение к своим исследованиям, занимался сбором солидного объёма документов из российских и зарубежных архивов.

Труды Н.В. Чарыкова не представляют собой цикла, последовательно раскрывающих тему данной работы. Весомая доля размышлений отражена в его

эпистолярном наследии, мемуарах и публицистических сочинениях, изданных первоначально преимущественно на английском языке за рубежом.

Посольство в Англию Григория Микулина

Тему установления контактов России с западноевропейскими государствами Н.В. Чарыков развил в сочинении «Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 годах» (Чарыков 1876). Данный труд стал частью большого исследовательского проекта специальной Комиссии Московского Главного архива Министерства иностранных дел по изданию дипломатических документов³.

В работе противопоставлены интересы «христианско-культурного мира» – стран Европы, и Османской империи. В понимании Чарыкова разница между христианами разных конфессий не имела принципиального значения. Автор оценивал статус России в этой локальности как высокий, поскольку послы западноевропейских стран обращались за содействием к московским государям (Чарыков 1876:1), занимая при этом солидарную позицию, подтверждение чему обнаруживается в словах царя Бориса Годунова: «Чтобы всем великим государям христианским меж себя быти в любви и в ссылке, и в крепкой дружбе и стояти б на басурман за один» (Чарыков 1876: 4).

Борис Годунов направил в Западную Европу посольство во главе с Григорием Микулиным с поручением установить отношения с послами Франции, Испании, Венеции, императора и римского папы в Англии. Это обстоятельство, по мнению Чарыкова, свидетельствует о том, что в своём желании создать союз христианских государств русское правительство имело самое отдалённое представление о реальной ситуации в Западной Европе, поскольку в Англии не могли находиться послы указанных стран, а эпоха крестовых походов против турок давно миновала.

Обращаясь к проблеме «окна в Европу», Чарыков анализировал состояние русско-польских и русско-шведских отношений. Отсутствие успехов в борьбе России за выход к морю он объяснял низким качеством русской армии. Польша и Швеция активно противодействовали передаче западноевропейских знаний и техники, которая требовалась для устранения отставания. Поэтому в круг поручений Микулина входила вербовка специалистов. В числе других задач миссии Микулина Чарыков выделил требование российского правительства к Англии соблюдать нейтралитет в конфликте Речи Посполитой и Швеции.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 180. Оп. 9. Ед. хр. 26. Л. 111 об.

Космография

В начале 1881 г. Чарыков приступил к составлению «Введения» к памятнику XVII в., известному как «Космография». Важность своей исследовательской работы он видел в том, что К.С. Аксаков и его единомышленники вели поиск элементов государственного устройства России в допетровский период, которые могли бы служить образцами для реформирования России, тогда как их оппоненты, западники, утверждали отсутствие таковых. Чарыков стремился расширить представление о науке до эпохи Петра Великого⁴, опираясь на анализ «Космографии». В итоге исследователь пришёл к выводу, что «Космография» включает в себя две части, одна из которых носит русский характер, а другая есть перевод западноевропейского географического труда (Чарыков 1889: 1).

Чарыков выделил текст, созданный, по его мнению, в русле византийских и русских традиций, на основе принципов более древнего мировоззрения, нежели у остальной части изучаемого памятника, и назвал его «Краткой Космографией». Чарыков выявил признаки знакомства авторов с произведениями средневековой литературы, которые появились в России с XVI в., и гражданских русских источников при описании Московии и Литвы.

Н.В. Чарыков пришёл к выводу, что на территории Европы, включая Россию, открытие новых земель и развитие географической науки шли параллельно, независимо друг от друга. Применительно к России он отмечал несомненные успехи географии, чему способствовала деятельность российских государей, направленная на расширение территории, что повлекло за собой увеличение объёма знаний как о самой России, так и об её соседях – через посольства, торговые экспедиции и «хождения» частных лиц. Автор указывал, что достижения западноевропейской науки Россия стали по-настоящему доступны только после устранения препятствий для прямых политических и экономических контактов с Англией, Голландией и другими просвещёнными странами.

Обращаясь к датировке Космографии, Чарыков причины успехов географии и в целом русского Просвещения в XVII в. усматривал в политике Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича, а также в деятельности дипломатов, духовенства и прочих лиц. Космографию Чарыков оценивал, как опыт российского учёного XVII в. по обобщению географических открытий. И хотя отдельные части «Космографии» были весьма разнообразны и неоднородны по своему происхождению, в своей основе она была выдержана в рамках православных канонов и традиций. Появление этого труда стало событием, завершившим определённый этап в развитии географической науки в России.

⁴ Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 78. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 1 апреля 1881 г.

Как свидетельствует информация, почерпнутая из неопубликованных эпистолярных источников, у Н.В. Чарыкова были планы написать исследование, посвящённое развитию науки и в целом Просвещению в России в допетровскую эпоху. Для реализации данного плана он намеревался изучить рукописи XVII в.⁵

Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия

В 1900 г. в журнале «Исторический вестник» было опубликовано исследование Н.В. Чарыкова, посвящённое Павлу Менезию (Чарыков 1990: 510; 532; 935; 968). Данная работа, значительно расширенная, снабжённая многочисленными документами, критическим обзором источников, примечаниями и иллюстрациями, в 1906 г. вышла в свет. Это самое крупное историческое исследование Н.В. Чарыкова – «Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. 1637–1694» (Чарыков 1906: 766). Автор пояснял: «Заинтересовавшись личностью этого слишком малоизвестного русского деятеля, мы постарались собрать сведения о Менезии, имеющиеся в печатных русских и заграничных изданиях, а также в архивах Рима, Парижа, Венеции, Вены, Эдинбурга и Абердина и в русских архивах министерств иностранных дел и юстиции в Москве и военного министерства в Петербурге» (Чарыков 1906: IX).

«Лист для записи требований» Московского Главного архива Министерства иностранных дел свидетельствует о том, что по проблеме исследования Чарыков изучил обширный массив источников⁶. С.Н. Шубинскому он писал: «... за лето моя работа о Менезии подвинулась. Я нашёл довольно много нового в московских архивах и написал начерно введение и первую главу моего "биографического очерка"⁷. В начале своего труда Чарыков указал, что его внимание к личности Павла Менезия вызвано предположением о влиянии последнего на царевича Петра в качестве воспитателя (Чарыков 1906: X).

Иностранцы из Западной Европы, именовавшиеся «немцами», стали приезжать в Россию после брака московского государя Ивана III с племянницей императора Византии Софией Палеолог. При этом славяне и греки чужими не считались, к «немцам» их не относили. Обращаясь к вопросу о появлении в России шотландцев, Чарыков напомнил о том, что в Шотландии в XVI в. шли «гонения на католиков и роялистов» (Чарыков 1906: 1). Вынужденные эмигрировать, дворяне-католики поступали на службу в страны континентальной Ев-

⁵ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 85. Л. 12.

⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 9. Ед. хр. 26. Л. 80.

⁷ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 874. Оп. 1. Д. 79. Л. 123, 123 об. Чарыков–Шубинскому. 12 июня 1899 г.

ропы, в том числе в Россию. Первым шотландцем при Иване III посетил Россию посланник датского короля Давид Коккер. При Иване IV представители семьи шотландских герцогов Гамильтон не только поступили на русскую службу, но и породнились с русской аристократией. Позже в Россию выехали многие шотландцы, в числе которых особую известность приобрели Патрик Гордон – друг и соратник Петра Великого, Георг Лермонт – предок поэта Лермонтова и Павел Менезий – воспитатель Петра I.

Чарыков обратил внимание на совпадение судеб прибывших в Россию дворян: их предки, выступив на стороне шотландского короля Малколма III, способствовали его победе над Макбетом, за что и получили свои вотчины. В Россию они прибыли в то время, когда шла борьба за её суверенитет и, воспитанные на традициях верности своему государю, верой и правдой служили русским монархам.

При Иване IV военнопленные ливонцы привлекались к службе в армии как офицеры. Пленные ливонцы-мастера могли получить свободу с условием «не выезжать из Московского государства», а жить в специально основанной слободе на окраине Москвы, получившей название Немецкой. Впоследствии там проживали выходцы из стран Западной Европы, различных вероисповеданий, что, по мнению Чарыкова, доказывает толерантность религиозной политики московского правительства. Если в Швеции строительство православных храмов не разрешалось, то в Немецкой слободе была построена лютеранская кирха. Более жёсткую позицию в отношении католиков автор объяснил борьбой с Речью Посполитой, добавляя, что ограничительные меры имели «временный и политический характер» (Чарыков 1906:1).

К середине XVII в. в России появились войска, построенные по образцу западноевропейских армий. Иностранные офицеры приглашались на службу без учёта национальности и вероисповедания. Среди них появились католики, в т.ч. шотландцы.

Автор установил, что Менезий принадлежал к знатному шотландскому клану, состоявшему в родстве с Гамильтонами, Гордонами и самими Стюартами. Как сторонники Стюартов, Менезии на некоторое время отправились в изгнание, а затем Павел перебрался на материк, чтобы служить, поскольку имение их было разорено. Вместе с Гордоном Менезий поначалу служил в Польше, где его пригласил на службу русский дипломат Гаврила Леонтьев. Согласие Менезия Чарыков объяснял тем, что Менезию не нравились республиканские порядки в Польше, а самодержавный строй России пришёлся ему по душе.

После неудачной попытки поступить в дипломатическую миссию боярина Ф.Я. Милославского Менезий в период подготовки и подписания Андрусовского перемирия оказался в Смоленске, где сблизился с А.С. Матвеевым и К.П. Нарышкиным (отцом будущей царицы), что и помогло его карьерному росту. После отпуска, проведённого в Шотландии, Павел Менезий сделал настолько блестящий отчёт о ситуации в Западной Европе, что на него было возложено от-

ветственное дипломатическое поручение: Менезий, Виниус и Украинцев были отправлены в европейские страны для переговоров с главами государств о создании антиосманской коалиции.

Чарыков придавал чрезвычайно большое значение данному факту. По его мнению, в год рождения будущего императора Петра царь Алексей Михайлович инициировал новый вектор российского внешнеполитического курса – решение Восточного вопроса, то есть борьбу с Османской империей. В этом решении царя поддерживал А.С. Матвеев, считавший целесообразным пожертвовать Прибалтикой ради обладания Причерноморьем. Напротив, А.Л. Ордин-Нащокин полагал, что контроль над Прибалтикой даст России необходимые экономические ресурсы для увеличения её мощи – и эту позицию одобрял Чарыков, полагая, что выход к Балтийскому морю обеспечил бы России поступательное развитие и Петру не понадобилось бы «прорубать окно в Европу». Процесс модернизации России принял бы сглаженный характер, более естественным путём была бы решена проблема выхода к Чёрному морю.

Чарыков указывал, что именно вторжение Османской империи в Восточную Европу привело к окончанию противостояния России с Польшей. Османская империя претендовала на территории, которые Россия и Польша считали своими. Появление общего противника изменило ситуацию и привело к созданию оборонительного союза двух стран, договорившихся обратиться за помощью к христианским государям Европы. По мнению Чарыкова, российское правительство вынужденно согласилось на эти договорённости, противоречившие его стратегии.

Историк напомнил об имевших место неоднократных попытках вовлечения московских государей в различные антиосманские лиги: такие предложения поступали от императора, римского папы, венецианского сената, Ивану III предлагалась королевская корона. Чарыков считал, что миссия Третьего Рима, на которую претендовала Москва, была духовной миссией; серия войн против Османской империи, проведённых Россией в течение двух столетий, была инспирирована Западной Европой; эти войны приносили выгоду Западной Европе, почти ничего не дали России и были чрезвычайно опасны для Турции (Чарыков 1906: 26).

Чарыков в данной оценке противоречит своим более ранним выводам. Объяснение изменению его позиции вероятно связано не с научными, а с дипломатическими интересами. Вскоре после публикации исследования о Менезии он был назначен послом в Турцию, где проводил линию на сближение позиций двух стран.

Историк подчёркивал, что «сношения с западными дворами были не в диковину Московскому правительству» и начиная с правления Ивана III московские государи обменивались посольствами с европейскими монархами. Чарыков приводит эти факты в доказательство своего тезиса, согласно которому Россия была частью единой европейской системы задолго до петровской эпохи.

Дополнительный аргумент в защиту этого утверждения – внесение имени московского государя в число сторон, подписавших в 1648 г. Вестфальский мирный договор, который положил «основание» новому международному строю. «О счастливых и горестных событиях в царской семье, о войне и мире, о торговле, о выезде в Москву офицеров, учёных и ремесленников, посылались и получались всё чаще и чаще грамоты и посольства. Число и значение последних в XVII в. легко объясняются важностью, которую имело для Европы появление на её северо-востоке сплочённого, крепкого, самобытного, разраставшегося государства, уступавшего по цифре населения всего на 3 миллиона Франции – самой могущественной державе того времени» (Чарыков 1906: 27).

После вторжения Османской империи в Подолье в 1667 г. была предпринята попытка создать антиосманскую коалицию. В этой связи в окружении царя прошло обсуждение вопроса об обращении к римскому папе, по итогам которого Менезию была дана к Клименту X такая же грамота, как и другим русским послам к другим европейским государям. Павел Менезий провёл переговоры с папой и привёз из Рима послание Алексею Михайловичу, в котором Климент выразил московскому великому князю поддержку; в послании говорилось, что «защитники важнейшего общего блага» заслуживают славы (Чарыков 1906:44).

Чарыков установил, что помимо дипломатического поручения Павел Менезий занимался рекрутированием западных «медиков, рудознатцев и музыкантов» (Чарыков 1906: 48).

Н.В. Чарыков установил, что Павлу Менезию удалось добиться признания папой римским за московскими монархами царского титула, доказательством чего служит именование в грамоте папы от 5 августа 1684 г. царями Ивана и Петра (Чарыков 1906: 46).

Чарыков отмечал, что «иностранная наука, обычаи, развлечения и, наконец, сами иностранцы были в моде при русском дворе» (Чарыков 1906: 48). Павел Менезий находился у царя Алексея Михайловича «как бы под рукой, для исполнения личных царских поручений». В связи с этим историк высказал предположение, что царь «допустил, или даже привлёк ... Менезия к некоторому участию в воинских потехах и книжном учении царевича Петра», не назначая шотландца официально, а «пользуясь его услугами, как сподручного и верного специалиста по обращению с оружием и по римской истории» (Чарыков 1960: 58-59).

Царь наказал Павлу Менезию познакомить царевича с историей Рима «в лицах»: Чарыков считал, что эта задача была обусловлена тем, что московские государи с XV в. считали Рим колыбелью своего рода. Павел Менезий вручил папе грамоту, в которой Алексей Михайлович указывал: «Ведомо вам... что от древних нескольких сот лет на великих и преславных государствах Российского царства были великие государи прародители наши от рода Августа Цезаря, обладающего всею вселенною, и от сродичей его от великого князя Рюрика...» (Чарыков 1906: 58-59).

Чарыков констатировал, что сведения об окружении царевича Петра в ранний период его жизни крайне скудны. Очень мало документов сохранилось и касательно предполагаемого им наставничества, «потому что отношения, в которые, по-видимому, Алексей Михайлович поставил Менезия к царевичу Петру, были совершенно своеобразны и новы и не подходили ни под какую из существовавших тогда служебных рубрик» (Чарыков 1906: 58-59).

Историк возражал против утверждения английского историка Томаса Маколея, что привлечение иностранца, тем более католика, к занятиям с московским царевичем было невозможно; напротив, сближение с Западом в высших московских правительственных и придворных сферах заметно продвинулось, что проявилось, к примеру, в ношении с детства западноевропейской одежды самим Алексеем Михайловичем и его братьями. Так же одевали царевича Петра и воспитывавшихся с ним детей бояр. Н.В. Чарыков привёл сведения об иностранных наставниках у детей русских государственных деятелей, в том числе у сыновей А.Л. Ордина-Нащокина, В.М. Тяпкина (первого русского резидента в Варшаве) и А.А. Матвеева, участника игр Петра. Число иностранцев, прибывших в Россию по приглашению или нанимавшихся самостоятельно, постоянно возрастало, причём правительство охотно пользовалось их услугами как для «потехи», так и для науки, внимательно изучало их заявления и проекты.

Н.В. Чарыков полагал, что западные учёные установили контакты с московским правительством задолго до Лейбница, который предлагал свои идеи Петру I. В частности, современник Лейбница, Лаврентий Рингбер предложил свои проекты преобразований для России отцу Петра, Алексею Михайловичу. Было обещано направить в Россию учёных самых разных нужных специальностей. Рингбер, получивший статус полномочного представителя саксонского герцога, уверял, что тот был готов прислать и учёных для преподавания наук для детей московской знати. Рингбер планировал вести разведку залежей серебряных руд, определить точное географическое положение русских провинций и рек, в том числе за Уралом.

Для обеспечения безопасности экспедиции в Россию надлежало командировать небольшие, но обладавшие отменной выучкой и хорошо вооружённые воинские подразделения. Кроме того, был сформулирован проект торгового пути с Востоком через Казань и Сибирь, который составил бы конкуренцию морскому пути, по которому вели торговлю Голландия, Англия и Португалия. «Цель, преследуемая, кстати сказать, сибирской железной дорогой», – подчёркивал Чарыков (Чарыков 1906: 61). В итоге царь принял решение об отправке для изучения данных предложений посланника – подъячего Московского Посольского приказа С.М. Протопопова. Это был русский дипломат новейшей формации, появившейся до петровских преобразований, выгодно отличавшейся от прежних посланников, которые на Западе авторитетом не пользовались. В число московских дипломатов новой формации Н.В. Чарыков включал Е.И. Украинцева и П.Б. Возницына.

С.М. Протопопов не подстраивался под европейскую моду, однако был очень образован, умён, начитан, прекрасно разбирался в музыке и теологии – что подтверждает и В.О. Ключевским (Ключевский 1988: 319). Н.Я. Данилевский подчёркивал, что в России не было надобности в изменении внешнего облика наряду с трансфером знаний из Западной Европы (Данилевский 2011: 315, 359). По словам Чарыкова, Алексей Михайлович и его окружение «смело, спокойно и основательно» относились к идеям преобразований, в которых уже просматривались наиболее важные реформы Петра I (Чарыков 1906: 62); непрестанной заботой царя были внедрение среди дворян образования, и в первую очередь технических знаний, геологии, минералогии, географии, а также развитие коммерции. Чрезвычайно важным Чарыков считал заключение почтовой конвенции с Речью Посполитой, которая обеспечила России не только свободную и относительно быструю доставку корреспонденции из-за рубежа, но и создала благоприятные условия для приезда учёных и мастеров, которых во времена Ивана IV не пропускали Речь Посполитая, Швеция и Ливония. Хотя Алексею Михайловичу не удалось получить доступ к Балтийскому морю, условия Кардисского договора со Швецией обеспечили возможность свободного проезда в Москву «докторам, лекарям, всяким служилым и мастеровым людям».

Большую роль играла стабильность внешнеполитического курса России, который состоял в ожидании удобного момента для выхода к морю на Балтике и коалиционном взаимодействии с государствами Западной Европы против Османской империи. Этот курс оставался неизменным вне зависимости от личности, определявшей внешнеполитическую стратегию, будь то Алексей Михайлович и А.С. Матвеев, Федор Алексеевич и Л.И. Иванов, царевна Софья и князь В.В. Голицын, а затем Пётр I.

Военные акции, которые были частью этой внешнеполитической стратегии, обеспечили возвращение Киева, Смоленска и других русских территорий по условиям «вечного мира» с Речью Посполитой в 1686 г. А Константинопольский договор 1700 г. остановил планы турецкой экспансии в направлении южнорусских территорий и, более того, позволил России подойти к Чёрному морю. Н.В. Чарыков особо отмечал, что военные акции против Османской империи были осуществлены по договорённости с императором, Венецией и Ватиканом, по программе, предложенной царём Алексеем Михайловичем западноевропейским правительствам через посольства Е.И. Украинцева, А.А. Виниуса и П.Г. Менезия.

Персональный состав участников походов против Османской империи, представленный Чарыковым, помимо любопытных генеалогических сведений даёт представление о порядке комплектования, организации и повседневности российских войск в преддверии преобразований Петра I.

Заключительные обобщения Н.В. Чарыкова содержат ряд предположений. По его мнению, более продолжительное воспитание Петра Менезием принесло бы ощутимую пользу, нивелируя «шероховатости характера Петра Великого»,

и в лучшую сторону изменило бы характер его взаимоотношений с Немецкой слободой.

Автор высказал мнение, что в России, в отличие от стран Западной Европы, преобразования инициировались «верхами», и приглашение выходца из Западной Европы наставником к маленькому Петру с тем, чтобы дать ему лучшее образование, чем другим своим детям, было самой решительной из реформ Алексея Михайловича. Цель заключалась в том, чтобы через подробное ознакомление с Западной Европой лучше подготовить царевича к государственному управлению (Чарыков 1906: 71). Чарыков предположил также, что и Пётр I, назначая иностранца наставником к собственному сыну, следовал примеру своего отца (Чарыков 1906: 72).

Посольство Рафаэля Барберини к Ивану Грозному

В работе «Le chevalier Raphael Barberini chez le tsar Jean le Terrible» (Tcharykow 1904: 23) (Шевалье Рафаэль Барберини у царя Ивана Грозного) Чарыков исследовал историю миссии итальянского дворянина Рафаэля Барберини в Россию. Автор отмечал, что в России времён Ивана Грозного осуществлялось то, чего Данте и Макиавелли желали Италии – объединение и централизация государства. Этот процесс, наряду с обретением независимости, позволил московскому правительству приступить к выстраиванию дипломатических отношений с другими христианскими государствами.

Из-за враждебности Речи Посполитой, Ливонии и Швеции Россия была вынуждена вести внешнюю торговлю по морю главным образом через Архангельск. При Иване IV, со взятием Нарвы, появилась возможность установить дипломатические отношения с Испанией, Англией, Францией, городами Любек и Антверпен. Через Нарву прибыло и посольство Рафаэля Барберини.

Прибытие посольства Барберини, как полагал Чарыков, продемонстрировало стремление к установлению контактов как со стороны московского, так и западноевропейских правительств. Практические следствия миссии Барберини состояли в заключении договора о торговле и личных дружеских отношениях семьи Барберини к России в последующее время. Доказательством последнему стала в 1673 г. поддержка Павлу Менезию кардиналом Барберини.

Позднейшие исследования

В 1912 г. в публикации «Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софию Палеолог» (Чарыков 1912) Н.В. Чарыков доказывал, что на фреске образ московского государя сливается с образом византийского императора.

Анализ эпистолярных источников позволил нам выявить факт, что в 1916 г. Чарыков подарил фрейлине российского императорского Двора Н.Ф. Карловой своё сочинение о Павле Менезии, указав в сопроводительном письме, что речь

идёт о человеке, чьё влияние способствовало выработке у царевича Петра готовности к взаимодействию со странами Западной Европы⁸.

В эмиграции Чарыков анализировал современные политические проблемы, используя при этом материалы своих прошлых исследований. К примеру, в статье по римскому вопросу (Tcharykow 1830: 338) он напомнил, что Россия в допетровскую эпоху имела отношения с Ватиканом, сославшись при этом на свою работу о посольстве Менезия и особо подчеркнув, что посланником православного российского государя был шотландец и католик. Упоминает Чарыков и о том, что Павел Менезий был одним из воспитателей Петра.

На закате жизни в мемуарах Н.В. Чарыков обращался к системе, выстроенной в допетровскую эпоху, Петром I и его последователями. Он полагал, что защита государственных интересов России неизбежно требовала на определённом этапе наличия системы своеобразного феодализма, крепостного права и деспотического устройства. В конечном счёте усилия, приложенные с XVI в., привели к созданию могущественного государства, а к концу правления Петра I Россия достигла «статуса Великой державы» (Tcharykow 1931: 42).

* * *

Анализ трудов Н.В. Чарыкова позволяет охарактеризовать его взгляды на предпосылки и характер петровских реформ.

1. Реформы Петра I не означали радикального разрыва с прошлым. Усвоение научных знаний и практических навыков, необходимых для модернизации России, началось задолго до Петра. В России в допетровское время успешно развивалась и собственная наука.

2. При всех трудностях международного положения, которые были следствием изоляции со стороны Речи Посполитой и Швеции, Россия была частью единой европейской системы.

3. Пётр I сформировался под воздействием модернизационных процессов и интеграционного взаимодействия России с другими европейскими странами. В детские годы царевича этому способствовал шотландец Павел Менезий, оказавший на будущего императора благотворное воздействие.

Заслуга Н.В. Чарыкова состоит в том, что он показал процессы модернизационных преобразований через взаимодействие конкретных людей, показал, как индивидуальные качества современников повлияли на процессы в допетровской период и непосредственно на Петра Великого. При этом автор не игнорировал задач государственного значения, не зависевших от воли конкретных людей. Иначе говоря, он принимал во внимание как объективные, так

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 618. Оп. 1. Д. 1748. Л. 1, 1 об. Чарыков–Карловой. 22 октября 1916 г.

и субъективные факторы исторических процессов. Н.В. Чарыков написал подробную биографию Павла Менезия, из которой можно получить представление о том, какое именно участие он принял в реформах допетровского этапа, какое влияние он мог оказать и в итоге оказал на царевича Петра.

Н.В. Чарыков полагал, что развитие России в допетровский период объективно вело к петровским реформам, ставших логичным следствием ранее начатых процессов. Пётр I успешно продолжил преобразования, наложив на их реализацию особенности своего характера и мышления, что привело к рождению Российской империи.

Об авторе:

Олег Александрович Чернов – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории и археологии. Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Самара, М. Горького, 65/67. E-mail: chernov@list.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.7
Received: May 30, 2022
Accepted: September 10, 2022

The Epoch and Personality of Peter the Great in Nikolay Charykov's Research

O.A. Chernov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-5-86-7-26](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-7-26)

Samara State Social and Pedagogical University

Abstract: The article reviews the academic contribution of Russian historian and diplomat Nikolay Charykov (1855–1930) to our understanding of the reforms by Peter the Great. In his research, Nikolay Charykov argues that the reforms did not result in a radical break with previous Russia's historical path. He stresses that the cultivation of scientific knowledge and labor skills necessary for modernization started in Russia long before Peter the Great because Russia was part of a European system even before Peter the Great. For example, the author points to Ivan III's marriage to Zoe Palaiologina (Sophia Palaiologina); the employment of captive Livonians by Ivan IV; sending Russian youth to study at Western European universities; Boris Godunov's plans to form a European league of Christian sovereigns. Nikolay Charykov focuses in his studies on the reign of Tsar Alexei Mikhailovich, pointing to his plans to increase the involvement of Westerners in various spheres of life in Russia. Moreover, Nikolay

Charykov shows that the personality of the future Emperor was formed under the influence of Russia's increasing interaction with European countries. He concludes that the development of Russia before Peter led to Peter's reforms. He saw the struggle between Sophia and Peter as an interpersonal struggle for power, which in no way violated the primary trend of Russia's development. Peter's reforms became a logical and natural consequence of the previous processes. The merit of Peter was that he successfully continued the previously started transformations by adding to them his character and thinking, which led to the birth of the Russian Empire.

Keywords: Peter the Great, Nikolay Charykov, prerequisites of Peter's reforms, Alexey Mikhailovich, Pavel Meneziy, Ivan the Terrible, Grigory Mikulin

About the author:

Oleg A. Chernov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National History and Archaeology. Samara State Social and Pedagogical University, Gorky, 65/67, 443099, Samara, Russian Federation. E-mail: chernov@list.ru

Conflict of Interest:

The author declares the absence of conflict of interest

References:

- Bushkovitch P. 2001. *Peter the Great the Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge: Cambridge University Press. 187 p.
- Fedosov D. 2000. Scotland and Russia: A Boundless Bond. *Russia and the Wider World in Historical Perspective*. London–New York. P. 67–84.
- Jensen C.R. 2009. *Musical Cultures in Seventeenth-Century Russia*. Bloomington. 376 p.
- Krasic P. 1986. Stjepan Gradić prema Rusiji Križaniceva doba. *Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*. Vol. 14. Lipanj. P. 257–270. (In Croatian)
- Oresko R. 1997. The House the Savoy in Search for a Royal Crown in the 17th Century. *Royal and republican sovereignty in early modern Europe: essays in memory of Ragnhild Hat-ton*. New York P. 272–350.
- Tcharykow N.V. 1904. *Le chevalier Raphael Barberini chez le tsar Jean le Terrible*. Paris.
- Tcharykow N.V. 1930. The Roman Question, Leo XIII, and signor Mussolini. *The Contemporary Review*. Vol. CXXXVII (137). P. 338.
- Tcharykow N.V. 1931. *Glimpses of High Politics*. London. P. 42.
- Charykov N.V. 1876. *Posol'stvo v Angliyu dvoryanina Grigoriya Mikulina v 1600 i 1601 gg.* [The Embassy to England of the Nobleman Grigory Mikulin in 1600 and 1601]. Saint Petersburg. (In Russian)
- Charykov N.V. 1883. *Kosmografiya. 1670*. [Cosmography. 1670]. Saint Petersburg. (In Russian)
- Charykov N.V. 1900. Pavel Menezij. Ego diplomaticheskaya i voennaya sluzhba pri Moskovskom dvore i predpolagaemoe nastavnichestvo pri Petre Velikom [Paul Menezius. His Diplomatic and Military Service at the Moscow Court and his Supposed Mentorship under Peter the Great]. *Istoricheskij vestnik*. №11–12. P. 510–532, 935–968. (In Russian)

Charykov N.V. 1912. *Ob ital'yanskoj freske, izobrazhayushchej Ioanna III i Sof'yu Paleolog* [About the Italian Fresco Depicting John III and Sophia Palaiologos]. Saint Petersburg. (In Russian)

Chernikova T.V. 2021. «Obratnaja storona» petrovskih reform [The “Flip Side” of Peter the Great's Reforms]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii*. 20(1). P. 88–107. DOI: 10.22363/2312–8674–2021-20-1-88-107. (In Russian)

Chernov O.A. 2001. *Diplomaticheskaja dejatel'nost' i istoricheskie vzgljady N.V. Charykova* [Diplomatic Activity and Historical Views of N.V. Charykov]. Samara: Publ. house PGSGA. 222 p. (In Russian)

Chernov O.A. 2012. Rannie gody rossijskogo diplomata i uchenogo N.V. Charykova. Po dokumentam Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti [Early Years of the Russian Diplomat and Scientist N.V. Charykov. According to the documents of the Central State Archives of the Samara Region]. *Vestnik arhivista*. №4. P. 292–299. (In Russian)

Florja B.N. 2019. O rusko-avstrijskih politicheskikh kontaktah v 70-h godah XVII veka [About the Russian-Austrian Political Contacts in the 70s of the 17th Century]. *Istoricheskie zapiski*. 18(136). P. 46–56. (In Russian)

Jastrebov A.O. 2016. Rossija i venecijskie greki vo vtoroj polovine XVI — vtoroj polovine XVII st. [Russia and the Venetian Greeks in the Second Half of the 16th — Second Half of the 17th Century]. *Klio*. 8(116). P. 155–163. (In Russian)

Klyuchevskij V.O. 1990. *Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli* [Historical Portraits. Figures of Historical Thought]. Moscow: Pravda. (In Russian)

Kostomarov N.I. 2009. *Istoriya Rossii v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatelej* [The History of Russia in the Biographies of the Most Important Figures]. Moscow: Eksmo. (In Russian)

Kuz'micheva L.V. 2021. Rossijskie diplomaty N.V. Charykov i V.N. Shtrandtman o prichinah neudachi rossijskogo plana sozdaniya Balkanskoj federacii [Russian Diplomats Nikolai V. Charykov and Vassili N. Strandtmann on the Reasons for the Failure of the Russian Plan to create a Balkan Federation]. *Slavjanskij mir v tret'em tysjacheletii*. 16(1–2). P. 154–170. DOI: 10.31168/2412–6446.2021.16.1–2.08. (In Russian)

Laskova N.V. 2008. Shotlandskoe vlijanie v politicheskoy i povsednevnoj zhizni dopetrovskoj Rusi [Scottish Influence in Political and Everyday Life of Pre-Petrov Rus]. *Britanskije issledovaniya*. №2. P. 177–185. (In Russian)

Mezin S.A. 2020. Pjotr I i ego jepoha glazami istorikov [Peter I and his era through the Eyes of Historians]. Saratov: Publ. house «Saratovskij istochnik». P. 86–132. (In Russian)

Mihajlovskij G.N. 1993. *Zapiski. Iz istorii rossijskogo vneshnopoliticheskogo vedomstva. 1914–1920*. [Notes. From the History of the Russian Foreign Ministry. 1914–1920]. V 2–h kn. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Kn. 1. (In Russian)

Nozdrin O.Ja. 2011. Soldaty Smuty. Naemniki v Rossii nachala XVII v [Soldiers of the Time of Troubles: Mercenaries in Early 17th-century Russia]. *Srednie veka*. 72(3–4). P. 187–195. (In Russian)

Petruhincev N.N. 2017. Rannee evropejskoe vlijanie na Petra I: Patrik Gordon i Franc Lefort v konce XVII v. [Early European Influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century]. *Quaestio Rossica*. 5(1). P. 198–218. DOI: 10.15826/qr.2017.1.219. (In Russian)

Sedov P.V. 2008. *Zakat Moskovskogo carstva: carskij dvor konca XVII veka* [The Decline of the Muscovite Kingdom: The Tsar's Court of the Late 17th Century]. 2nd edition. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. 604 p. (In Russian)

Sedov P.V. 2008. Zakat Moskovskogo carstva: carskij dvor konca XVII veka [The Decline of the Moscow Kingdom: the Royal Court of the End of the 17th Century]. 2-е издание, исправленное. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. 604 p. (In Russian)

Solov'ev S.M. 1872. *Publichnye chteniya o Petre Velikom* [Public Readings about Peter the Great]. Moscow: Tipografiya Katkova. (In Russian)

Vishnjakov Ja.V. 2021. Dva vzgljada na serbskuju politiku. N.V. Charykov i P. A. Kapnist o vnutripoliticheskom polozhenii Serbskogo korolevstva i Balkan nachala XX veka [Two Views on Serbian Politics. N.V. Charykov and P.A. Kapnist about the Internal Political Situation in the Kingdom of Serbia and in the Balkans at the Beginning of the 20th Century]. *Slavjanovedenie*. №5. P. 5–15. DOI: 10.31857/S0869544X0016876-6 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Вишняков Я.В. 2021. Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутривнутриполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX века. *Славяноведение*. №5. С. 5–15. DOI: 10.31857/S0869544X0016876-6

Ключевский В.О. 1990. *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*. Москва: Правда.

Костомаров Н.И. 2009. *История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. Москва: Эксмо.

Кузьмичева Л.В. 2021. Российские дипломаты Н.В. Чарыков и В.Н. Штрэндтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 16(1–2). С. 154–170. DOI: 10.31168/2412–6446.2021.16.1–2.08.

Ласкова Н.В. 2008. Шотландское влияние в политической и повседневной жизни допетровской Руси. *Британские исследования*. №2. С. 177–185.

Мезин С.А. 2020. Пётр I и его эпоха глазами историков. *Историографический Сборник: межвузовский сборник научных трудов*. Саратов: Издательство «Саратовский источник». С. 86–132.

Михайловский Г.Н. 1993. *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920*. В 2-х кн. Москва: Международные отношения. Кн. 1.

Ноздрин О.Я. 2011. Солдаты Смуты. Наёмники в России начала XVII в. *Средние века*. 72(3–4). С. 187–195.

Петрухинцев Н.Н. 2017. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. *Quaestio Rossica*. 5(1). С. 198–218. DOI: 10.15826/qr.2017.1.219.

Седов П.В. 2008. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. 2-е издание, исправленное. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 604 p.

Соловьев С.М. 1872. Публичные чтения о Петре Великом. Москва: Типография Каткова.

Флоря Б.Н. 2019. О русско-австрийских политических контактах в 70-х годах XVII века. *Исторические записки*. 18(136). С. 46–56.

Чарыков Н.В. 1883. Космография. 1670. Санкт-Петербург.

Чарыков Н.В. 1912. Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софью Палеолог. Санкт-Петербург.

Чарыков Н.В. 1900. Павел Менезий. Его дипломатическая и военная служба при Московском дворе и предполагаемое наставничество при Петре Великом. *Исторический вестник*. №11–12. С. 510–532, 935–968.

Чарыков Н.В. 1876. *Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг.* Санкт-Петербург.

Черникова Т.В. 2021. «Обратная сторона» петровских реформ. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 20(1). С. 88–107. DOI: 10.22363/2312–8674–2021-20-1-88-107.

Чернов О.А. 2010. *Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова: монография*. Самара: Изд-во ПГСГА. 222 с.

Чернов О.А. 2012. Ранние годы российского дипломата и учёного Н.В. Чарыкова по документам Центрального государственного архива Самарской области. *Вестник архивиста*. №4. С. 292–299.

Ястребов А.О. 2016. Россия и венецианские греки во второй половине XVI — второй половине XVII ст. *Клио*. 8(116). С. 155–163.